

Иван Сергеевич Тургенев

Наши послали!

Литературные и житейские воспоминания

Иван Тургенев
Наши послали!

«Public Domain»

1874

Тургенев И. С.

Наши послали! / И. С. Тургенев — «Public Domain»,
1874 — (Литературные и житейские воспоминания)

«...С самого начала июня в воздухе пахло порохом, каждый чувствовал, что решительное столкновение неизбежно; а после свидания делегатов от только что распущенных национальных мастерских с членом временного правительства Мари, который в обращенной к ним речи необдуманно произнес слово «рабы» (esclaves), принятое ими за упрек и обиду, после этого свидания уже весь вопрос состоял в том — не сколько дней, а сколько часов оставалось до того неизбежного, неотвратимого столкновения? «Est-ce pour aujour-d'hui?» (Сегодня, что ли?) — вот какими словами приветствовали знакомые друг друга каждое утро...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

7

Иван Сергеевич Тургенев

Наши послали!

(Эпизод из истории июньских дней 1848 года в Париже)

...Наступил *четвертый* из известных июньских дней 1848 года, тех дней, которые такими кровавыми чертами вписаны на скрижалях французской истории...

Я жил тогда в несуществующем ныне доме на углу улицы Мира и Итальянского бульвара. С самого начала июня в воздухе пахло порохом, каждый чувствовал, что решительное столкновение неизбежно; а после свидания делегатов от только что распущенных национальных мастерских с членом временного правительства Мари, который в обращенной к ним речи необдуманно произнес слово «рабы» (*esclaves*), принятое ими за упрек и обиду, после этого свидания уже весь вопрос состоял в том – не сколько дней, а сколько часов оставалось до того неизбежного, неотвратимого столкновения? «*Est-ce pour aujourd'hui?*» (Сегодня, что ли?) – вот какими словами приветствовали знакомые друг друга каждое утро...

«*Sa a commencee!*» (Началось!), – сказала мне в пятницу утром, 23 июня, прачка, принесшая белье. По ее словам, большая баррикада была воздвигнута поперек бульвара, недалеко от ворот Сен-Дени. Я немедленно отправился туда.

С начала ничего особенного не было заметно. Те же толпы народа перед открытыми кофейными и магазинами, то же движение карет и омнибусов; лица казались несколько оживленнее, разговоры громче и – странное дело! – веселее... вот и все. Но чем дальше я подвигался, тем более изменялась физиономия бульвара. Кареты попадались все реже, омнибусы совсем исчезли; магазины и далее кофейни запирались поспешно – или уже были заперты; народу на улице стало гораздо меньше. Зато во всех домах окна были раскрыты сверху донизу; в этих окнах, а также на порогах дверей теснилось множество лиц, преимущественно женщин, детей, служанок, нянек, – и все это множество болтало, смеялось, не кричало, а перекликивалось, оглядывалось, махало руками – точно готовилось к зрелищу; беззаботное, праздничное любопытство, казалось, охватило всю эту толпу. Разноцветные ленты, косынки, чепчики, белые, розовые, голубые платья путались и пестрели на ярком летнем солнце, вздымались и шуршали на легком летнем ветерке – так же, как и листья на всюду посаженных тополях – «деревьях свободы». «Неужели же тут, сейчас, через пять, через десять минут будут драться, проливать кровь? – думалось мне. – Невозможно! Это разыгрывается комедия... О трагедии нечего думать... пока».

Но вот впереди, криво пересекая бульвар во всю его ширину, вырезалась неровная линия баррикады – вышиною аршина в четыре. По самой ее середине, окруженное другими, трехцветными, расшитыми золотом знаменами, небольшое красное знамя шевелило – направо, налево – свой острый, зловещий язычок. Несколько блузников виднелось из-за гребня наваленных серых камней. Я подошел поближе. Перед самой баррикадой было довольно пусто, человек пятьдесят – не более – бродило взад и вперед по мостовой. (Тогда еще не было макадама на бульварах.) Блузники пересмеивались с подходившими зрителями; один, подпоясанный белой солдатской портупеей, протягивал им раскупоренную бутылку и до половины налитый стакан, как бы приглашая их подойти и выпить; другой, рядом с ним, с двухствольным ружьем за плечами, протяжно кричал: «Да здравствуют национальные мастерские! Да здравствует республика, демократическая и социальная!» Подле него стояла высокая черноволосая женщина в полосатом платье, тоже подпоясанная портупеей с заткнутым пистолетом; она одна не смеялась и, как бы в раздумьи, устремила прямо перед

собой свои большие темные глаза. Я перебрался через улицу налево и вместе с пятью, шестью такими же фланерами, как я, приютился к самой стенке дома, с которого начинала ломаться прямая линия бульвара и в котором помещалась – да и теперь помещается – фабрика жувеновских перчаток. Жалюзи окон в этом доме были закрыты. Мне все еще не верилось, несмотря на ожидания и предчувствия минувших дней, что дело примет оборот серьезный.

Между тем все громче и ближе слышались барабаны. Уже с утра по всем улицам раздавался тот особенный троекратный бой – *le gappel*¹ – тот бой, которым созывалась национальная гвардия. И вот, медленно волнуясь и вытягиваясь, как длинный черный червяк, показалась с левой же стороны бульвара, шагах в двухстах от баррикады, колонна гражданского войска; тонкими, лучистыми иглами сверкали над нею штыки, несколько офицеров ехали верхом в ее голове. Колонна достигла противоположной стороны бульвара и, заняв его сплошь, повернулась фронтом к баррикаде и остановилась, беспрестанно нарастая сзади и все более и более густея. Несмотря на прибытие такого значительного количества людей, кругом стало заметным образом тише; голоса понизились, реже и короче раздавался смех; точно дымка легла на все звуки. Между линией национальной гвардии и баррикадой внезапно оказалось большое пустое пространство, по которому, слегка крутясь, скользили два-три небольших вихря пыли – и, озираясь по сторонам, расхаживала на тонких ножках черно-пегая собачонка. Вдруг, неизвестно где, спереди или сзади, сверху или снизу, резко грянул короткий, жесткий звук, он походил более на стук тяжело упавшей железной полосы, чем на выстрел, и тотчас вслед за этим звуком наступила странная, бездыханная тишина. Все так и замерло в ожидании, – казалось, самый воздух насторожился... и вдруг, над самой моей головой, что-то нестерпимо сильно затрещало и рывкнуло – точно мгновенно разорванный громадный холст... Это инсургенты дали залп сквозь жалюзи окон из верхнего этажа занятой ими жувеновской фабрики. Мои соседи фланеры и я – мы немедленно устремились вдоль домов бульвара (помнится, я еще успел заметить на пустом пространстве впереди человека на четвереньках, упавшее кепи с красным помпоном да вертевшуюся в пыли черно-пегую собачонку) и, добежав до небольшого переулка, тотчас повернул в него. К нам присоединилось десятка два других зрителей, из которых у одного молодого человека лет двадцати была прострелена плюсна. На бульваре, позади нас, беспрерывно трещали выстрелы. Мы перебрались в другую улицу – если не ошибаюсь – в *Rue de L'Echiquier*². На одном ее конце виднелась низенькая баррикада – и мальчишка лет двенадцати прыгал по ее гребню, кривляясь и махая турецкой саблей; толстый национальный гвардеец, бледный как полотно, пробежал мимо, спотыкаясь и охая на каждом шагу... из рукава его мундира капала на землю алая кровь.

¹ сбор (фр.)

² улицу Шахматной доски (фр.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.